

От макроистории — к исторической макросоциологии

К эвристике нового исследовательского направления

СЕРГЕЕВ С. М. (2017). РУССКАЯ НАЦИЯ, ИЛИ РАССКАЗ ОБ ИСТОРИИ ЕЕ ОТСУТСТВИЯ. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ.
575 С. ISBN 978-5-227-06623-7

Олег Богуславский

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Рецензируемая книга завершает многолетние исследования автора в области истории русской общественной мысли, истории русского национального сознания и русского нациестроительства. В ней он подводит — безусловно, пока предварительные — итоги своих изысканий, сводя в смелой целостной макроисторической конструкции результаты предшествующих работ¹. Одновременно книга является своеобразным обзором новейшей российской и зарубежной историографии русской истории, включая работы последних лет. Таким образом, помимо авторской концепции национальной истории, сочинение С. М. Сергеева открывает доступ широкой общественности к достижениям и выводам отечественных и зарубежных историков, в том числе работающих в очень специальных областях, редко вызывающих заметный интерес читающей публики, — например, исторической демографии или исторической статистике.

Видимо, из-за двойственного характера текста, соединяющего оригинально-авторский и компилиативно-обзорный элементы, книга стала просто идеальным объектом острой критики, причем с самых разных научно-историографических и общественно-идеологических позиций. Поэтому прежде чем перейти к обсуждению содержания самой книги, кажется уместным высказать несколько соображений более общего плана, формально выходящих за рамки жанра рецензии и не связанных с собственно тематикой данной работы, но имеющих отношение к нынешнему структурированию дискурсивного пространства.

Я хотел бы начать ни много ни мало с определения статуса события, каковым для современной историографии русской истории стал выход книги С. Сергеева:

© Богуславский О., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-348-353

1. Сергеев С. М. (2004). Русский национализм и имперализм начала XX века // Сергеев С. М. (ред.). Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень; Сергеев С. М. (2010). Пришествие нации? М.: Скимень.

судя по очень амбивалентной реакции заинтересованной публики он маркирует возникновение нового направления в отечественном научном ландшафте, которое можно с определенной осторожностью назвать «русско-национальной» или «национально-демократической школой» в российской исторической науке. И выход столь масштабной по макроисторическим амбициям книги сразу превращает автора в корифея данного направления.

При этом следует учитывать, что в существующих политических условиях единственно возможной формой публичной активности интеллектуалов является «семантическая политика», т. е. борьба за смыслы, за культурную гегемонию по Антонио Грамши. Речь идет о попытках конкурирующих интеллектуальных групп сделать свои собственные представления и образы желаемого будущего нормативными, общезначимыми, в идеале — доминирующими. Понятно, что формирующееся на наших глазах научное направление вынуждено вести ожесточенную дискурсивную борьбу во всех сегментах поля интеллектуального производства, причем не только с официальным дискурсом, но и с не менее мощными конкурентами, например, из либерального и левого лагерей. И важнейшим полем этой борьбы за определение будущего становится русская история, которая традиционно рассматривается как стратегический ресурс общественно-политической мобилизации.

Поэтому не должна удивлять та бурная дискуссия, что возникла вокруг книги Сергея Сергеева сразу после ее выхода. К тому же данное сочинение воспринимается разными критиками в качестве текста, выполненного в различных интеллектуальных жанрах: одни прочитали ее как политический памфlet, другие — как историософский трактат, третьи — как нациеведческое исследование, четвертые — как националистический манифест. Понятно, что текст, позиционируемый как образец столь гетерогенных жанров, просто был обречен стать событием интеллектуально-литературной жизни и предметом интенсивного обсуждения — при этом не всегда добросовестного с точки зрения стандартов научности. Ведь книга была воспринята не просто неоднозначно, но и вызвала у идеологически ангажированной публики ряд — совершенно необоснованных — обвинений автора в «русофобии», «очернении отечественной истории» и даже «нелюбви к имперской красоте», как выразился один из традиционалистских критиков во время ее публичного обсуждения в московском клубе «Маяк» в феврале 2017 года. Видимо, это было неизбежно именно из-за жанровой неопределенности данного труда, и автор предсказал подобную реакцию части публики во введении к нему (с. 24).

Однако если отбросить эти нелепости и перейти к предметному обсуждению предложенной концепции русской истории, то можно указать на ряд проблем содержательного и структурного свойства, которые действительно заслуживают спокойного и заинтересованного разговора. Возвращаясь к содержанию работы, сразу следует признать, что это абсолютно ревизионистский труд, сознательно рвущий со всей предшествующей традицией историописания. Более того, в нем содержится радикальная смена исследовательской оптики — Сергеев предлага-

ет посмотреть на прошлое русского народа так, как его видели не из Кремля или Зимнего дворца, а каким оно представляло из крестьянской избы, мелкопоместной усадьбы, старообрядческого скита, солдатской казармы или сибирского острога. Стоит ли говорить, что в результате смены оптики перед нами предстает радикально иная картина прошлого, почти ни в чем не совпадающая с хрестоматийными образами исторической России, знакомыми еще с детства.

Как точно заметил один западный исследователь массовых представлений о прошлом, миллионы школьных учебников не могут ошибаться. Речь идет о том, что транслируемые через систему образования в политико-дидактических целях образы героического прошлого представляют собой не просто определенную картину мира, но и тот, говоря сленгом школы Анналов, ментальный инструментарий, с помощью которого затем оперируют миром, в том числе внешним. Совместно разделяемый исторический нарратив — это не просто определенный рассказ о героических предках, но и определенная когнитивная рамка, задающая способы отношения к целым классам объектов, включая собственный и чужие народы.

В этом смысле книга С.М. Сергеева программно деконструирует устоявшийся в течение веков взгляд сверху на русское прошлое. При этом он не просто опровергает ошибки и заблуждения традиционной державнической историографии, но и показывает, как та устроена, кем и в чьих интересах: «Историй, написанных с точки зрения властителей, у нас довольно, здесь предлагается история с точки зрения народа, создавшего великую страну, но так и не ставшего ее хозяином» (с. 26).

По собственному опыту скажу, что освоение этой книги — трудный и болезненный процесс даже для подготовленного читателя: постоянно ловишь себя на мысли, что просто отказываешься следовать за логикой автора, лишающего тебя надежной опоры в виде давно усвоенного. Реакция многих критиков из различных идеологических лагерей подтверждает это некомфортное чувство болезненного расставания с привычной картиной глорифицированного национального прошлого...

В любом случае следует приветствовать добросовестную дискуссию, в ходе которой наверняка удастся уточнить или даже пересмотреть те или иные положения автора и его последователей. Также можно надеяться, что вслед за данной книгой последуют другие работы и самого Сергея Михайловича Сергеева (он еще по академическим меркам относительно молодой автор) и других исследователей русско-национального направления в исторической науке.

Понятно, что практически неизбежные обвинения автора в идеологических «смертных грехах» со стороны традиционалистов всех мастей, готовых исторически легитимировать любые действия деспотической власти высокими державными целями², лишь подтверждают архаичность подобного подхода к прошлому и его политico-прагматический характер. В этом смысле демократизация и национализация русского исторического сознания является важнейшим элементом

2. Словно антиципируя подобные инвективы, автор цитирует В. В. Розанова, писавшего в этой связи о «философии выпоротого человека» (с. 16).

политической модернизации нашей страны, протагонистом которой открыто выступает новое историографическое течение.

Далее я попытаюсь обратить внимание на ряд тематических комплексов, делающих книгу Сергеева релевантной именно с точки зрения социальной теории:

1. Обсуждаемая в книге «нация» является солидарным сообществом, исторически возникающим довольно поздно — в эпоху политического модерна, когда на смену модели, в которой трансцендентально (обычно религиозно) легитимированная власть осуществляет господство над принципиально неравными подданными, приходит модель принципиально равных сограждан-компатриотов, осуществляющих имманентно рационализированную власть над самими собой.

2. В этом смысле нация — модерный вариант так называемых «мы-сообществ», то есть исторически контингентных сообществ судьбы, которые конституируются на основе единства военно-политического опыта и экономического взаимодействия их участников, обеспеченных общностью культурной традиции.

3. Подчеркивая политико-правовой статус современной нации, Сергей Сергеев указывает на принципиальное отличие данного типа «мы-групп» от этнокультурных сообществ предшествующих видов: речь идет о рефлексивном процессе само-конструирования «мы-группы», включая определение ее границ.

4. В данной конструкции нации ключевое значение получают реальные и манифестируемые шансы на участие — прежде всего участие политическое, например, посредством электоральной техники модерна, а также участие в общем богатстве, но не менее важно участие в нормативных культурных практиках, создающих корпус совместно разделяемого знания и ценностный консенсус.

5. Исходя из данной социально-теоретической перспективы, речь в книге Сергеева идет ни много ни мало о поиске в русской истории укорененных в реальной практике и легитимированных национальной культурной традицией институтов кооперации и координации индивидуальных интересов, обеспечивающих при этом возможность общего блага или общественного интереса, т. е. о традиции как условии возможности модерна.

6. При этом сама постановка вопроса автором близка к веберовской. Достаточно вспомнить, что в текстах, посвященных Русской революции, классик мировой социологии Макс Вебер прямо указывал на «внеисторический» характер институтов, которые должны были появиться в Российской империи в ходе политической модернизации:

...что можно считать в сегодняшней России подлинно «историческим»? Если исключить Церковь и крестьянскую общину... не останется ничего, кроме абсолютной власти Царя, унаследованной от татарских времен; то есть системы власти, которая после распада «органической» структуры, определявшей облик России XVII–XVIII веков, буквально повисла в воздухе свободы, принесенной сюда ветром, вопреки всякой исторической логике. Страна, еще каких-то 100 лет назад напоминавшая своими наиболее укорененными в национальной традиции институтами монархию Диоклетиана, не может найти

такую формулу «реформы», которая имела бы местные «исторические» корни и была бы при этом жизнеспособной³.

7. Таким образом, поиск Сергеевым русской нации в русской истории является радикальной попыткой модернизации традиционного исторического нарратива путем его перевода из языка макроистории на язык исторической макросоциологии. Ведь в своих исследованиях он фокусируется на изучении более или менее автономных сообществ, которые потенциально могли стать основой самостоятельных и независимых от верховной власти социальных сил, функционирующих на фундаменте правых и договорных отношений — причем как между собой, так и в отношениях с верховной властью⁴.

8. Подобная юридизация и политизация национального дискурса⁵ имеет множество теоретически важных последствий: например, встает вопрос о переопределении границ «мы-сообщества» политической нации в отличие от обычной этнокультурной общности. Условием включения в нацию становится фактическое участие в нормативных практиках определенного, модерного типа, а не простое совместное проживание на одной территории⁶.

9. Далее автоматически встает вопрос о радикальном пересмотре исторического канона и пантеона героев, ведь в этой оптике героический суворовский переход через Альпы из демонстрации непобедимости русского духа и мощи русского оружия превращается в бессмысленную геополитическую авантюру вроде позднесоветского вторжения в Афганистан или нынешнего участия РФ в сирийском конфликте. И даже Бородино из места воинской славы видится как следствие сомнительного для национальных интересов русских участия Российской империи в антифранцузских коалициях европейских монархий!

10. В целом речь идет не только о принципиально иной квалификации национальных героев, но и о поиске носителей иных, протомодерных националистических добродетелей, нежели те, что предписывались традиционным государственным дискурсом служилого патриотизма.

На наш взгляд, именно эти и ряд других содержательных моментов авторской концепции русской истории представляют интерес не только для исторического нациоведения, но и для социальной теории модерна.

3. Вебер М. (2007). К положению буржуазной демократии в России // Вебер М. О России. М.: РОССПЭН. С. 14.

4. Ср.: «В разговоре о нации важно понять, что она в идеале — не рой, не стадо, а свободное единство независимых личностей» (с. 17).

5. Сергеев ссылается на формулу известного русского политолога Павла Святенкова: «Нация — это пакет политических прав». См.: Святенков П. В. (2010). К вопросу о нации // Вопросы национализма. № 1.

6. Стоит ли говорить, что это автоматически ставит вопрос о самоисключении из сообщества принципиально равных компатриотов всех тех, кто не разделяет национально-нормативный консенсус, — например, тех же охранителей «старого порядка», т. е. приверженцев своего донационального статуса — сторонников сохранения собственного положения подданных у ног трансцендентной по своей природе верховной власти.

Конечно, как и в случае любой крупной историографической концепции, труд Сергеева вызывает массу важных вопросов структурного характера, связанных с самим жанром макроистории. Например, такие: насколько сегодня может претендовать на научность высказывание, описывающее события «национальной истории» от легендарного князя Олега до В. Путина? Можно ли в рамках научного дискурса говорить о существенном тождестве или генетической связи упоминаемой в договорах с Византией «руси» и путинских «россиян»? Насколько в рамках макроистории вообще возможно строить эвристически интересные модели, не теряя операционального характера используемых понятий и не скатываясь в давно дискредитированный жанр историософии или альтернативной истории? Насколько осмысленно говорить о «тенденциях» в действиях власти той же Российской империи применительно к XVIII и началу XX века, ведь более детальный взгляд тут же выявит различия в самой административной практике, в способах ее дискурсивной легитимации и т.д.

Следующая группа вопросов связана с компаративистским элементом концепции, в которой в качестве нормативной модели выступает некая нормативная нация западноевропейского образца: насколько можно говорить об одной-единственной версии генезиса Современности или все-таки продуктивнее говорить о плюральности путей к модерну на самом Западе (*multiple modernities*)⁷?

Наконец, книга Сергея Сергеева ставит перед протагонистами русской модернизации важнейший вопрос в духе М. Вебера, напрямую связанный с самим «апофатическим методом» автора: если в России отсутствуют исторически укоренившиеся институты, необходимые для образования «мы-группы» модерного типа, т. е. искомой автором русской нации, если, более того, существующие группы интересов блокируют формирование современного национального сознания, то каковы институционально обоснованные шансы на появление в наших широтах классического для буржуазной демократии вида солидарного сообщества принципиально равных в правовом смысле компатриотов, совместно определяющих свое будущее?

From Macrohistory to Historical Macrosociology: Toward the Heuristics of the New Research Approach

Oleg Boguslavsky

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Review: Sergey Sergeev, *Russkaja nacija, ili Rasskaz ob istorii ee otsutstvija* [Russian Nation; or, The Narrative of the History of Its Absence] (Moscow: Centrpolygraf, 2017) (in Russian).

⁷. Eisenstadt S. N. (2000). Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. № 1. P. 1–29; Knöbl W. (2001). Spielräume der Modernisierung: Das Ende der Eindeutigkeit. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft.